

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВОЗМОЖНО ПРИОБЩЕНИЕ
К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В ПРЕДЕЛАХ УСВАИВАЕМОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

TO WHICH EXTENT IS IT POSSIBLE TO SHAPE THE COMPETENCE
OF AN INTERCULTURAL COMMUNICATION
IN THE PROCESS OF ACQUISITION OF A FOREIGN LANGUAGE

ВЛАДЫСЛАВ ВОЗЬНЕВИЧ

ABSTRACT. The author justifies the rudimentary thesis of the paper: in the circumstances of neophilological training the acquisition of skills of respectable intercultural communication is limited. The boundaries of these limitations are given by: 1) the reduction of the use of foreign language to a basic linguistic competence, 2) the restriction of domains of communication mainly to behavioral activities, 3) socio-cultural requirement of obeying norms of political correctness, 4) the certain level of feeling of foreignness in the interpersonal relations.

Władysław Woźniewicz, Wyższa Szkoła Nauk Humanistycznych i Dziennikarstwa w Poznaniu, Poznań – Polska.

Содержащийся в теме статьи вопрос имплицитно подразумевает относительно положительный ответ. Однако в действительности нередко межкультурная коммуникация по ряду причин невозможна или сводится к убогим в содержательном плане речевым примитивам. Даже владение иностранным языком само по себе не гарантирует еще возможности осуществления приемлемых рече-коммуникативных актов в межкультурной коммуникации.

Прежде чем перейти к обсуждению основного тезиса доклада, считаю целесообразным определить понимание следующих понятий/конструктов, используемых в докладе: *коммуникация, культура, язык – владение языком, языковая личность*.

Известно, что каждому из приведенных понятий посвящена огромная литература, в том числе объемные монографии. Учитывая рассматриваемую проблему, в определениях понимания указанных понятий будут выделены лишь избранные аспекты связанного с ними знания. Авторская концептуализация понимания этих понятий позволит избежать неоднозначности оперирования ими в последующем рассмотрении и обосновании тезиса доклада.

Коммуникация будет здесь пониматься, с одной стороны, как процесс самовыражения смысла интенционального содержания посредством языка, с другой стороны, как процесс и эффект взаимодействия и взаимного интерпретирования действий/активностей (вербальных и невербальных) субъектами, наделенными пропозициональными структурами: ментально-личностными (убеждения, предрасположенности, желания, ценностные установки, ожидания и др.), когнитивными, лингвокультурными и т.п. Единицей коммуникации является, как известно, рече-коммуникативный акт в форме высказывания/языкового поведения.

Культура. Из множества имеющихся предикатов в различных определениях культуры здесь в основе ее понимания принято известное утверждение Э. Сепира, изложенное В.В. Красных: „И если язык «есть то, как думают», то «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает»»¹.

Исходя из смысла этого утверждения, в последующих рассуждениях, говоря о культуре, я буду иметь в виду „сделанный” и перманентно „делаемый” человеком/обществом мир действительности, в том числе мир людей. Этот мир представляется как результат „окультуривания” человеком объектов/феноменов реального мира и самого себя в виде образования различных артефактов: материальных, умственных, духовных, ценностных, нормативных и прочих, означаемых/материализуемых знаками/символами языковыми и неязыковыми. Эти артефакты проявляются в поведении/действиях, дискурсах, текстах, разных творениях и в целостном составе индивидуальных пропозициональных установок. Последние детерминируют активности/действия, интеракции индивидов в данных этно-социо-лингво-культурных пространствах.

Язык. В зависимости от концептуализации феномена *язык* имеются разные его определения и понимание. Здесь я буду придерживаться положения, согласно которому язык означает/называет объекты реальности и метареальности соответственно этнокультурным конвенциям категоризации реальных мира в форме словесных знаков и стоящих за ними обобщенных значений. Этно-психо-социальные субъекты в результате накапливаемого коммуникативного опыта в различных конситуациях приписывают значениям разные смыслы. Общепринятой считается констатация, что язык является важнейшим знаковым средством приобретения, хранения и передачи знаний о мире, о продуктах умственной деятельности и цивилизации, о феноменах культуры и о самих субъектах, пользователях языка в различных проявлениях коммуникации.

Если признать, что язык, система языка – „усыпленное тело”, то оно одушевляется речью соответственно потребности/интенции субъекта и правилам языка, конвенциональным обязательствам, напр., нормам коннотации, коллокации, принятому узусу. В речи проявляются заодно известные функции – коммуникативная и ее производные функции.

¹ Цит. по: В.В. К р а с н ы х, „Свой” среди „чужих”: миф или реальность?, Москва 2003, с. 37–38.

Владение языком, в том числе иностранным языком, будет здесь пониматься как способность/умение производить речевые акты/тексты и воспринимать их в процессе коммуникации соответственно неререфлексируемым и рефлексивным лингво-социо-культурным нормам. Эти нормы, интериоризируемые в процессах коммуникативной практики/социализации/обучения, проявляются как разного рода компетенции. Вслед за Ю.Н. Карауловым понимание актов коммуникации будет видеться как процесс перехода от значений слов к содержанию интенциональных смыслов воспринимаемых слов, высказываний/текстов и знаний. И наоборот, в коммуникативных актах рече-производства имеет место процесс перехода от возбужденных потребностью интенциональных смыслов и знаний к значениям употребляемых слов².

С понятием *владение языком* связан вопрос об обязательствах в соотношении *говорящий субъект – язык – действительность*, т.е. вопрос, сколько у коммуниканта свободы в употреблении языка в рече-коммуникативных актах; насколько язык вынуждает/навязывает способ выражения содержания интенционального смысла. К. Ажеж утверждает, что „Языки различаются между собой не тем, что они **могут** или не могут выразить, а тем, что они **обязывают** высказать”³. Это правда, но при условии, если это **что** имеется в когнитивном тезаурусе говорящего на данном языке, т.е. если имеются у него соответствующие денотаты или их представления, напр., *тоска* у русского, понятийные категории и их обозначенные значения. В противном случае данный язык не обязан выразить денотативное значение, имеющееся в другом языке. Например, английский язык обязывает в отличие от русского языка обозначить пальцы рук и ног, выразить значение слова *вьюга* в форме общего значения *snow-storm*. В свою очередь, русские и другие языки обязаны выразить, напр., категорию рода, аспекта, оппозицию *ты – вы*, но не английский.

Чем больше правил/обязательств, тем меньше свободы в употреблении языка, особенно на фонетическом и грамматическом уровне. Относительная свобода употребления языка на лексико-семантическом уровне для инофона нередко чревата серьезными ошибками и тяжелыми последствиями в межкультурной коммуникации, так как фонетико-грамматические ошибки в коммуникативном акте воспринимаются как обезличенный дефект владения языком. В то время некоторые лексико-семантические ошибки в коммуникативном акте могут задевать пропозициональные установки коммуниканта. Поэтому, я думаю, следует согласиться с утверждением, что все-таки каждый язык и на семантико-лексическом уровне навязывает свой способ выражения мыслительно-интенционального содержания, а также то, что сказать. Последнее „навязывает” не столько язык, сколько культура посредством языка. Подобная позиция коррелирует с известной гипотезой Э. Сепира⁴ – В. Уорфа,

² Ю.Н. Караулов, *Русский язык и языковая личность*, Москва 1987, с. 209–210.

³ К. Ажеж, *Человек говорящий*, Москва 2003, с. 48.

⁴ См.: Э. Сепир, *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва 1993.

в свете которой язык является своего рода проводником по миру, точнее *a guide to social reality*⁵, добавим – „навязчивым” проводником.

Сигнализируемые по необходимости в редуцированном виде положения относительно владения языком в равной степени касаются владения иностранным языком. Однако путь к усвоению и владению иностранным языком в отличие от натурального овладения родным языком опосредован, как известно, вхождением одновременно в мир иноэтнической культуры и различными индивидуальными свойствами учащегося, а также факторами, связанными с обучением и самоучением. Эти факторы определяются либо лингвоцентрическим, внешним по отношению к личности усваивающего язык, либо антропоцентрическим подходом, нацеленным на учет пропозициональных установок обучаемого, его автономии, на поощрение языкового самовыражения.

Языковая личность. Этот понятийный конструкт в научной литературе рассматривается как обобщенный многоуровневый образ репрезентанта данной ментально-культурно-коммуникативной языковой общности. Независимо от авторской научной концептуализации выделяются следующие константные составляющие языковой личности. Важнейшие из них это: язык и рече-коммуникативные, деятельностные компетенции, тезаурус когнитивных структур, представления и концепты, универсальные и этнически промаркированные ценности, целостность пропозициональных установок, имидж и биоэнергетические свойства индивида и др. Не изъясняя приведенных составляющих (им посвящена, как известно, богатая литература), добавлю лишь, что все эти составляющие языковой личности приобретаются и формируются в процессах когниции, социализации, „оязыковления” и инкультурации индивида, оставаясь во взаимных проникающихся соотношениях.

В результате этих процессов языковая личность предстает перед нами просто как человек, с каким имеем дело или который имеется в наших представлениях как отмеченный в культурно-языковом отношении *homo ethnicus /habitus*: русский, немец, араб, японец..., рассматриваемый в литературе предмета как *homo cogitans, homo agens, homo loquens/communicans* и т.п.

На фоне изложенных исходных положений перейду к обоснованию тезиса о том, что межкультурная коммуникация возможна для филологов-инофонов лишь при учете определенных условий и для многих из них в ограниченной степени.

Принятое выше определение коммуникации относится и к монокультурной коммуникации и межкультурной коммуникации настолько, насколько учитываются обязательные условия совершения рече-коммуникативных актов. Однако в случае межкультурной коммуникации мы имеем дело с оппозицией тождества – нетождества, представленной в виде известной формулы Я – МЫ – СВОИ – ОНИ – ИНЫЕ – ЧУЖИЕ. Эта оппозиция всеобъемлюща.

⁵ А. Н e i n z, *Dzieje językoznawstwa w zarysie*, Warszawa 1978, с. 351.

Она охватывает, во-первых, личностные характеристики субъектов межкультурной коммуникации, связанные с такими понятиями, как:

- языковая личность;
- культура, культурное тождество;
- язык/владение языком инофоном;
- то, что в научной литературе связано с понятием *когнитивная база*, т.е. совокупность знаний и представлений, универсальных и национально маркированных концептов, мыслимых здесь как единицы рефлекслируемого/нерефлекслируемого знания о феноменах мира, культуры, о самих себе и других /иных, представленного в виде семантико-ментального лексикона; а также
- другие указанные выше свойства личности.

Во-вторых, эта оппозиция проявляется, как правило, в иной интерпретации воспринимаемых реалий чужого инокультурного мира и людей – их имиджа, габитуальных активностей, образа жизни и т.п.

В-третьих, эта оппозиция проявляется, как пишет Д.Б. Гудков⁶, в „знаковости”, т.е. в языковом коде, в кодах различных реалий/феноменов этнических культур и т.п. Например, *собака* иначе кодируется в ценностных установках в европейской культуре, а иначе, скажем, в исламской. Иначе воспринимается/кодируется *дивный человек* (в смысле „малоумный”, „чудак”) или *бедный человек* в либерально-протестантской культуре, а иначе в православной русской культуре, что запечатлено, напр., в речении *Бедность – не порок*.

Эта трудно и нередко вообще непреодолимая оппозиция тождества – нетождества составляет методологическую основу трактовки межкультурной коммуникации как особого типа коммуникации.

В рамках обсуждаемого вопроса остановлюсь по необходимости лишь на двух избранных факторах/детерминантах осуществления удачных акцептабельных актов межкультурной коммуникации на фоне приведенной оппозиции.

Первый из них – это язык, владение инофоном чужим языком. Конечно, в принципе некая часть инофонов, прежде всего, студентов русской филологии может овладеть русским языком по имеющимся стандартам даже в совершенстве. Но это „совершенство” довольно относительно, так как речепроизводство и понимание коммуникативных актов/текстов в большей части редуцировано к трансформации денотативных, поверхностных, обыденных, в лучшем случае – энциклопедических значений слов и их связей в их же смысловое содержание и наоборот. Это почти предел „совершенства”. В то же время, совершенное владение языком почти „беспредельное”. Например, что поймет отлично владеющий русским языком инофон из пушкинской фразы *На берегу пустынных волн / Стоял Он, дум великих полн?* Без субъективного представления реалий исторического времени и пространства он поймет

⁶ Д.Г. Г у д к о в, *Теория и практика межкультурной коммуникации*, Москва 2003, с. 51–53, 195 и следующие.

(если поймет вообще) лишь поверхностный смысл. Другой пример: речение *Он на этом деле собаку съел* приводит многих студентов-русистов к растерянности. Другое дело, что в культуре дальневосточной Азии, напр., в Корее съесть собаку в ресторане – это обычная реальность. Иной вопрос, насколько возможен для русского, поляка... такой поступок/действие в межкультурных интеракциях?

Оказывается, что в межкультурной коммуникации приобретение базовой языковой компетенции, включая нормы лексической сочетаемости, – недостаточно. Удачная, акцептабельная межкультурная языковая коммуникация обусловлена усвоением не только экстенционального, но и в равной мере интенционального аспекта лексических единиц и их сочетаний. В последнем случае имеются в виду возможные актуализирующиеся коннотации/ассоциации слова с реалиями/микрореалиями исторического и настоящего времени, его образные представления соответственно имеющимся у индивида знаниям, опыту, воображениям. Например, слово *отричник* актуализирует у образованного коммуниканта его образное представление и различные коннотации значений коннотируемых слов, связанных с его обликом, поступками, жестокостью и т.п. Абстрактное значение слова *благо* как сгустка всякого добра, в отличие от польского языка, в котором остались от него лишь останки, в высказываниях русских коммуникантов обладает особой иллокутивной силой. Оно и производные от него слова способны коннотировать многие слова со значением положительности, напр., *на благо родины*, *благие лета*, и образовывать ряд сложных слов, нередко не имеющих эквивалентов в других языках, напр., *благодать*, *благоухать*, *благонадежный* и т.д.

Полагаю, что в стандартных условиях обучения и филологического образования можно овладеть иностранным языком лишь в стандартных пределах. Приобретение свойств русской языковой личности для инофона непостижимо. Это касается владения любым иностранным языком заурядным инофоном. Имеются, однако, исключения. Незаурядный инофон может владеть чужим языком не хуже образованного натурального носителя языка. Случается, стало быть, что незаурядный русский инофон может стать воплощенным Штирлицем, героем известного сериала *Семнадцать мгновений весны*.

Из выше сказанного следует, что удачная, акцептабельная межкультурная коммуникация в плане владения инофоном иностранным языком детерминирована усвоением и уяснением значения и смыслов культурно/национально промаркированных семантических единиц, правильного их употребления и адекватного понимания рече-коммуникативных актов/текстов, в том числе тех, что именуются в научной литературе прецедентными. К ним, как известно, принадлежат: отдельные типы прецедентных имен, фразеологизмы, прецедентные высказывания, прецедентные тексты. Все они вместе с другими прецедентами, такими, как прецедентные факты, прецедентные ситуации, стереотипы, языковые клише, ритуалы, вписываются в общее понятие прецедентности. Совокупность прецедентных феноменов и стоящие за ними озна-

чения знаний составляют, как известно, тезаурус когнитивной базы этно-лингво-культурной личности. Проблема прецедентности рассматривается во многих научных трудах русских ученых, в частности Ю.Н. Караулова⁷, В.Г. Костомарова⁸, Д.Б. Гудкова⁹, В.В. Красных¹⁰ и др.¹¹

Второй фактор/детерминант осуществления акцептабельных актов межкультурной коммуникации и вообще возможности ее возникновения в условиях дистанционного соприкосновения, напр., в магазине, в вузе, связан с принимаемыми инофоном пропозициональными установками, в частности волевыми, ценностными, включая их в число убеждения/предубеждения, вероятностные результаты ожиданий, расположенность/нерасположенность и т.п. Шире на эту тему пишет А. Запоровски¹². Эти установки могут стать причиной невозможности возникновения межкультурной коммуникации либо редуцировать ее к вынуждаемым стандартам *political correctness*, к клишированным, стереотипным, безучастным рече-коммуникативным актам/поведениям. Все зависит от принятия той или иной установки коммуникантов. В свою очередь, принятие данной пропозициональной установки зависит от степени ощущаемой чуждости во взаимных отношениях коммуникантов и от степени их знания о себе.

Чем ниже степень ощущения и переживания взаимной чуждости коммуникантов, тем более благоприятны условия возникновения межкультурной коммуникации. Ее осуществлению будет способствовать надлежащее владение данным языком инофоном или языком-посредником обоими коммуникантами. Таким образом, по мере накопления опыта в межкультурных коммуникативных интеракциях образуются благоприятные условия и возможности приобщения инофона к чужой культуре, к инкультурации, а в некоторых обстоятельствах и к культурной адаптации.

Однако дело обстоит иначе в случае инофонов студентов-русистов. Большинство из них не имеет возможности непосредственного общения с русскими. Контакты с русскими преподавателями-филологами персонально ограниче-

⁷ Ю.Н. Караулов, *Русский язык...*, указ. соч.

⁸ В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова, *Как тексты становятся прецедентными*, „Русский язык за рубежом” 1994, № 1.

⁹ Д.Б. Гудков, *Теория и практика...*, указ. соч.

¹⁰ В.В. Красных, „Свой” среди „чужих”..., указ. соч.

¹¹ Zob. np.: W. Woźniak, *Dyskursywne interakcje w grupie w procesie uczenia się języka obcego*, [w:] *Glottodydaktyczne i kulturowe aspekty komunikacji językowej*, red. W. Gawarkiewicz, K. Janaszek, Szczecin 2004, s. 135–145; J. Bolton, *Interkulturowa kompetencja*, Poznań 2006; A. Szejnberg, *Podstawy komunikacji społecznej w edukacji*, Wrocław 2002; В.В. Воробьев, *Лингвокультурология. Теория и методы*, Москва 1997; Ю.Е. Прохоров, *Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев*, Москва 2006.

¹² А. Запоровски, *Czy komunikacja międzykulturowa jest możliwa? Strategia kulturoznawcza*, Poznań 2006.

ны. Остается коммуникация/общение на практических занятиях по русскому языку, проводимых преподавателями, ненатуральными носителями русского языка. По очевидным причинам они не могут обладать рядом свойств русской языковой личности. В малой степени содействуют образованию русскоязычной когнитивной базы излагаемые знания о языке и культуре по ряду филологических предметов. Эти знания трактуются студентами безучастно, как энциклопедическая информация, предназначенная для запоминания.

Имеется, однако, в структуре нефилологического образования специфический компонент, я бы сказал, не менее важный, чем рутинные практические занятия по русскому языку, – обильное самостоятельное чтение художественных текстов. Оно чрезвычайно способствует непроизвольному формированию межкультурной компетенции, при условии, однако, что это будет чтение неторопливое, не поверхностное ради зачета/экзамена, а чтение понимающее, осмысливаемое и переживаемое. Правда, на первых стадиях понимание будет в той или иной степени поверхностное, но по мере набирания опыта оно будет становиться глубже, хотя имеются пределы уразумения художественного текста вообще, а тем более – понимания инофоном инокультурного художественного текста. Поэтому справедливо утверждает Д.Б. Гудков, что „Нужно добиваться не того, чтобы иностранец начал воспринимать тот или иной текст, как русский, так как это невозможно, но того, чтобы инофон понял, какое представление имеет об этом тексте русский и чем это представление мотивировано”¹³.

В чтении инофоном оригинального художественного текста я усматриваю особый вид межкультурной коммуникации, коррелирующий с понятием внутренней коммуникации или интракоммуникации. Согласно положениям корпоральной концепции понимания текста¹⁴, в процессе чтения в результате встречных синергетических процессов обезчеловеченный текст „оживает”, одушевляется, язык текста превращается в речь, текст „говорит”, возникает внутренний диалог между читателем и текстом. Воспринимаемые значимые единицы текста оживают, трансформируются в значения и смыслы. Они сообщают читателю определенную информацию/знание о представленном в тексте образе мира, театре жизни, персонаже. Все эти элементы мира оживляют эмоциональную, биоэнергетическую, когнитивную сферы читателя. Они воспринимаются телом и умом¹⁵. Сила воздействия указанных процессов благоприятно сказывается на приобретении читателем-инофоном различных ком-

¹³ Д.Г. Г у д к о в, *Теория и практика...*, указ. соч., с. 258.

¹⁴ Н.А. З а л е в с к а я, *Некоторые проблемы теории понимания текста*, „Вопросы языкознания” 2002, № 3.

¹⁵ Подробнее см.: В. В о з ь н е в и ч, *О восприятии/понимании оригинальных художественных текстов с позиции читателя. Акты межкультурной коммуникации*, [в:] *Современные проблемы глоттодидактики*, ред. А. Палиньски, Г.А. Зенталя, Rzeszów 2009, с. 28–34.

петенций, в том числе межкультурной компетенции и готовности удачного, приемлемого языкового самовыражения в производимых рече-коммуникативных актах межкультурной коммуникации.

В изложенных выше рассуждениях я пытался ответить на вопрос, в какой степени возможно приобщить инофонов, изучающих русскую филологию, к межкультурной коммуникации. Из хода этих рассуждений следует общий малоутешительный вывод.

Во-первых, в имеющихся стандартных условиях нефилологического образования готовность участия в межкультурной коммуникации, согласно приведенному выше ее пониманию возможна для большинства инофонов, но она будет ограничена рамками базисных языковых компетенций и довольно суженным кругом когнитивно-культурных компетенций. Это означает, что она может быть приемлемая в сферах бихевиорального речепроизводства, предметом которого могут быть, напр., удовлетворение экзистенциальных потребностей, этикет, некоторые ритуальные речения/поведение, эмоции, дискурсивные репрезентативы, т.е. воспроизведение быденного и отчасти энциклопедического, декларативного знания и т.п.

Во-вторых, приобретение необходимых компетенций, в том числе дискурсивной компетенции, зависит во многом от качества проведения практических занятий по иностранному языку, от применения новых коммуникативных технологий, включая творческие инновационные ролевые игры вместо банальных воспроизводящих. Однако само обучение еще не предвещает успех.

В-третьих, возможности приобретения умений языкового самовыражения, речевого изъяснения содержания интенциональных смыслов в межкультурной коммуникации соответственно имеющейся обстановке зависит от накопленного опыта в общении инофона с инокультурным коммуникантом, в ходе которого, с одной стороны, актуализируются, закрепляются и расширяются имеющиеся знания и умения, с другой стороны – усиливается языковая и психическая готовность участия в межкультурных интеракциях.

Прагматические аспекты формирования компетенций межкультурной коммуникации в процессе нефилологического образования – это отдельная проблема, требующая комплексного описания.

